

Елена Горева
*редактор газеты «За народное здоровье»
Южно-Уральский ГМУ*

Я ЖИЛ. Я БЫЛ. Я МЫСЛИЛ. Я УШЕЛ.

Я родилась в 1955 году, через десять лет после окончания войны. Мой отец, Владимир Николаевич Горев, был тогда студентом, хотя ему исполнилось двадцать девять лет. Получить образование раньше ему не удалось, хотя он, сын сельских учителей, с детства мечтал (и был уверен, что мечта исполнится!) об институте.

Но помешала война... Летом сорок первого года пятнадцатилетним подростком папа начал работать прицепщиком в тракторной бригаде, потом трактористом. Остальные работники были ему под стать, такие же подростки. Но тракторы работали, поля засеивались, урожай собирался.

В сорок третьем, в ноябре, папу призвали в армию. В тот день из деревни уехало двадцать парней. Вернулись с войны двое.

В январе 1945 года папа участвовал в боях. Венгрия, Австрия, Чехия... За личное мужество и отвагу был дважды награжден медалью «За отвагу» — 2 и 20 апреля, медалью «За взятие Вены» — 18 апреля, медалью «За победу над Германией» — 9 мая 1945 года. Имеет и другие награды.

Мне всегда хотелось пройти папиной военной дорогой. Постепенно это удалось сделать. Принеся цветы на Могилу Неизвестного Солдата в Праге, на Малый Дунай в Вене, к памятнику советским воинам-освободителям в Будапеште, я как будто отдала папе долг. Долг памяти.

Еще в «учебке» папа попал в воздушно-десантные войска, которые тогда только создавались, в боях их использовали для усиления пехоты. На фронте папа вступил в партию, был парторгом роты. После окончания войны по январь 1946 года в составе Центральной группы войск служил на территории Румынии, Югославии, Чехословакии. В моем детстве не было словосочетания «ветеран войны». Ее участников называли просто — фронтовики.

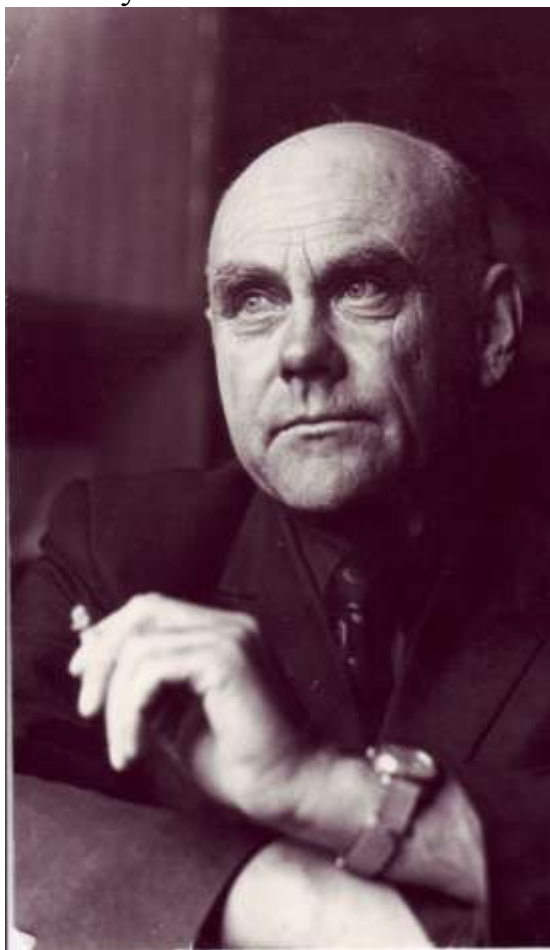
И сами они вряд ли ощущали себя ветеранами. Они вернулись в мирную жизнь молодыми людьми.

Многим из них надо было учиться, работать, обзаводиться семьями, растить детей. Они не носили орденов, только планки и нашивки за ранения — по праздникам. Узнавали друг друга мгновенно, только уточняли названия фронтов и сразу понимали, какой именно дорогой войны прошел каждый. Это было особое братство — братство людей, прошедших войну.

Папу демобилизовали только в 1951 году. Все это время он служил в воздушно-десантных войсках. У него 160 прыжков с парашютом. Он вернулся домой, семья жила тогда в селе Русская Теча. Надо было учиться, получать профессию. И вместе с мамой, уже имея почти годовалую дочь — мою сестру, они поступают в 1952 году в Коркинский горный техникум.

Окончив его в 1956 году, папа работал горнорабочим на Коркинском разрезе, мастером производственного обучения в училище, а потом ушел в... журналистику.

Горняцкая правда», «Знамя труда», «Копейский рабочий», «Механизатор» — далеко не полный перечень городских и районных газет Челябинской области, в которых он в разное время был литсотрудником,

заведующим отделом, заместителем редактора, редактором. Член Союза журналистов СССР, а затем и России, с самого его основания.

Вся его жизнь была связана с журналистикой, с писательством. «Привычка писать оставит меня вместе с жизнью», — говорил он. Так и случилось. Сигнальный экземпляр своей последней книги он вычитал за неделю до смерти.

Со временем и папа, и мама решили получить высшее образование. Оба поступили на заочное отделение — факультета журналистики (папа) и экономики (мама). Контрольные, сессии... Папе теория, видимо, показалась слишком суха, да и писательство, все больше увлекая его, требовало времени и на учебу его уже не хватало. А мама получила диплом о высшем образовании.

Я до сих пор помню неяркий свет настольной лампы из комнаты родителей. Засыпаешь, он горит, проснешься ночью — тоже. Мама занималась, а папа писал: материалы в номер, рассказы, повести, пьесы, стихи, юморески.

Он очень редко говорил о войне. Но сейчас я понимаю, что он все время думал о ней. И очень часто цитировал Твардовского: «... и не о том же речь, что я их мог, но не сумел сберечь, — речь не о том, но все же, все же, все же...» Вот из этого чувства невольной вины, я думаю, и родилась потребность написать про однополчан.

В 1966 году он был в архиве Министерства обороны в Подольске и познакомился с журналом боевых действий полка, в котором служил. Это нужно было для пьесы. Из этого журнала папа узнал, что из 144 человек роты, в которой он воевал, только восемнадцать осталось в живых — остальные погибли в боях. Эти цифры потрясли его. И тогда же он дал себе слово: написать о тех, с кем воевал в 1945 году. Так появился цикл рассказов «Патроны для первого взвода», который потом вошел в книгу «Рассказы о нашей роте». Шестидесятые — восьмидесятые годы были для папы самыми плодотворными. Спасибо моей маме. Она собрала и сохранила весь папин архив. В нем, в частности, есть и эта биографическая справка. Драматургические произведения В. Горева ставились на радио, телевидении (Челябинском и Центральном), в самодеятельных и народных театрах, издавались в различных издательствах. В феврале 1968 г. по пьесе В. Горева (в соавторстве с Б. Мещеряковым) осуществлена телевизионная постановка «Самуил Цвиллинг» Челябинским областным телевидением. Там же в 1969 г. в феврале поставлен спектакль по пьесе В. Горева «Одна миллионная». В 1970 г. одноактная пьеса В. Горева «Король обнажает шпату» получила авторскую премию на Всесоюзном конкурсе «Наш современник» и была издана издательством «Искусство», в журнале «Клуб и художественная самодеятельность». В 1970 г. по этой пьесе был поставлен спектакль Центральным телевидением (четвертый канал). В 1971 г. пьеса «Король обнажает шпату» была переведена на эстонский язык, в 1972 г. — на болгарский язык. В 1971 г. в сборнике «Мира строители» (издательство «Искусство», Москва) была издана еще одна пьеса В. Горева «Приди честным».

Наше с сестрой детство было счастливым: несмотря на постоянную занятость родителей, мы не чувствовали себя обделенными ни их вниманием, ни их любовью. Жили очень дружно и весело. Такое ощущение, что родители никогда не ссорились. Всей семьей ездили в театр— это было общее семейное увлечение, не пропускали ни одного гастрольного концерта.

А в моей юности родителям, несмотря на скромный достаток, ничего не стоило «махнуть» в Свердловск на спектакль столичного театра. Мамина летняя сессия обычно совпадала с гастрольями.

Постепенно День Победы вошел в нашу семью, стал ее традицией. Я повзрослела, уехала из нашего маленького города. Но где бы я ни была, в этот день я всегда приезжала к папе. Светлый день. Скорбный день. Мы вспоминали его погибших однополчан. И горевал он не только о них, но и о тех, кто мог бы родиться, но не родился, потому что мальчиков, которые когда-нибудь, в будущем, могли стать отцами, и девочек, которые могли стать матерями этих детей, убили на войне. Прервалась связь времен, пресеклась нить поколений.

Потом мы стали приезжать с детьми. Они тоже полюбили этот праздник: поездка к бабушке, цветы к Вечному огню, вечером салют.

Я и сейчас Девятого мая приезжаю к папе. С фотографии на памятнике на меня смотрит молодой сержант в военной форме. Это снимок сорок пятого года. Так просил папа. По его глубочайшему убеждению, война— это главное, что он сделал: защитил Родину, дом, нас, тогда еще не рожденных,— жизнь.